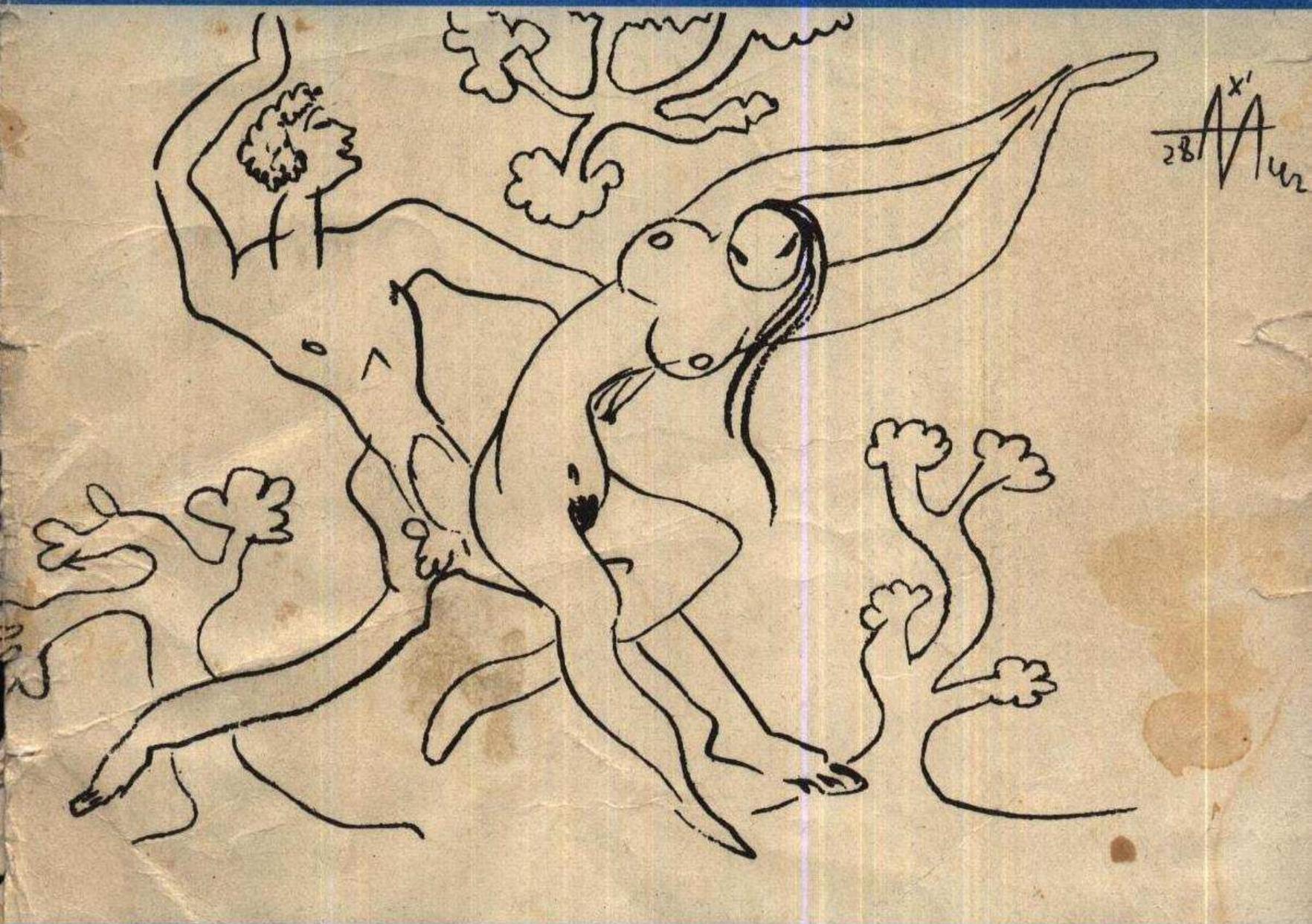

ISSN 0321 2904

Литературное '91 11

ОБОЗРЕНИЕ

Номер посвящен
эротической традиции
в русской литературе

С. Н. Доценко

Нарочитое безобразии

Эротические мотивы в творчестве А. Ремизова

Пройдя через все, что для плотского и одержимого страстями человека является северной, вредом и помехой в добродетельной жизни, праведник этот, подобно перлу чистому, не осквернился от грязи...

Жизнь и деяния аввы Симеона

Один из самых внимательных читателей и критиков Ремизова, К. Чуковский, писал не без оснований: «Положительно можно сказать, что нет на свете такой мерзостей мерзости, которой не описал бы Ремизов. Стоит только чему-нибудь липкому, склизкому, чадному, смердящему хоть каплей капнуть к нему на страничку, как из этой капли он создаст целый вулкан, целый смерч, закружит и вас и себя в зловонии, в плевках, оплеухах, диком блуде, иступленнейшем сквернословии...»¹ В своем непосредственном читательском восприятии творчества Ремизова критик не был одинок. Еще ранее, в 1908 г., Главное управление по делам печати возбудило дело в связи с изданием повести Ремизова «Часы», в коей некоторые эпизоды «изложены совершенно неприлично»². Повесть подверглась цензурному запрещению, тираж был арестован. Вскоре, правда, запрещение было снято, и тираж поступил в продажу. Сам писатель позднее не без иронии вспоминал: «“Часы”, роман, и “Полунощное солнце”, сборник 1908 г., прошли незаметно. К моему имени прибавилось недоразумение: на первых порах цензура подвела обе книги под кощунство и порнографию. Издатель Саксаганский (Сорокин) испугался, а ему говорят: “Да это ж реклама, увидите, какой будет расход книгам!” — но когда разъяснилось и с книг сняли запрещение, и тут произошло недоразумение: на благонамеренное кого потянет»³.

«Кощунство» и «порнография» — частые гости на страницах ремизовских произведений. С одной стороны, появление эротических тем, мотивов, сюжетов у Ремизова — следствие их наличия в прототекстах, преимущественно фольклорных (как, например, в «святочной» повести «Что есть табак» (1906), написанной по материалам народных легенд)⁴. Сам Ремизов вспоминал: «В те годы я изучал апокрифы, и у меня было целое собрание сказаний “о происхождении табака”. Особенно одно поразило меня — “слово святогорца” — табак выводился от такого вот потемкинского. “А что если написать мне такую отреченную повесть, а Сомову иллюстрировать по наглядной натуре”. “Вот было б дело, — сказал Вас. Вас. Розанов, — напиши!”»⁵ Примеров обработки фольклорных легенд, сказок с эротическим содержанием у Ремизова много. Главное то, что эротические (а иногда вообще «непечатные») мотивы санкционированы фольклорной эстетикой и поэтикой, мотивированы изначально, помимо воли автора. Вопрос в другом: почему Ремизов часто выбирает именно такие сюжеты? На него мы попытаемся ответить. Но прежде заметим, что Ремизова привлекают не только «низкие», «похабные» темы и сюжеты в фольклоре, но и высокие, поэтические. Соответственно можно говорить и о высокой, поэтической эротике. Доказательством тому служит апокриф Ремизова «О безумии Иродиадом — как на земле зародился вихорь» (1906). При создании его Ремизов опирался на традицию вертепной драмы, а также воспользовался апокрифическими легендами об Иродиаде-плясавице.

Сложнее обстоит дело с многочисленными эротическими

мотивами в т. н. «бытописательской» прозе Ремизова: романе «Пруд», повестях «Часы», «Неуемный бубен», «Пятая язва», рассказах. С одной стороны, их можно объяснить самим фактом обращения к темным сторонам русской действительности, русского быта со всеми его пошлыми, уродливыми, низкими чертами. Даже не просто чертами — гримасами. В этом плане Ремизов продолжает традиции критического реализма XIX века (Гоголя, Достоевского, Лескова, Салтыкова-Щедрина, Чехова). Как показал А. Данилевский, главный герой «эротической» повести Ремизова «Неуемный бубен» Иван Семенович Стратилатов соединяет в себе черты многих литературных героев — своих предшественников: Акакия Акакиевича Башмачкина и двух Иванов Гоголя, Иудушки Салтыкова-Щедрина, Федора Павловича Карамазова Достоевского, Беликова из «Человека в футляре» Чехова, Передонова из «Мелкого беса» Ф. Сологуба⁶.

Пошлая и развратная обстановка провинциального быта определяет характер Стратилатова, круг его интересов. Герой Ремизова погружен в атмосферу эротических размышлений и разговоров: «...всякие истории, всякие приключения, всякие похождения исторические, современные и даже апокрифические, из отреченных книг заимствованные, вроде «Повести о Ноевом ковчеге»⁷, и все, как на подбор, содержания весьма тонкого, жарит он на память, как по писанному, пересыпая анекдотами, шуткою и так, попутными замечаниями, тоже по смыслу своему исключительной легкости, затем переходит к стихам, известным больше в рукописном виде, нежели из печатных книг, вроде знаменитой «Первой ночи», и декламирует поэмы нараспев, с замиранием (...). Разгорячается воображение, вылетают слова все игривее и забористее, да такое загнет, небу жарко»⁸. «Падкость Стратилатова на предмет исключительный» (с. 143) определяла его читательские пристрастия: наряду с любимыми лубочными изданиями («Скитское покаяние», «Любовь — книжка золотая», «Похождение Ивана Гостиного сына») — «“страшная” “Гавриладида”, любимая и ненавистная, заветная и проклятая» (с. 157). «Гавриладида» оказывается текстом-ключом к образу Стратилатова и многим эпизодам его жизни. Накануне первой брачной ночи Стратилатов, охваченный сладострастьем, вдохновенно шепчет стихи из «страшной» тетрадки — «Гавриладида»:

В шестнадцать лет невинное смирение,
Бровь черная, двух девственных холмов
Под полотном упругое движенье...

(с. 179)

И в страшном сне Стратилатов вспоминает «Гавриладида»: «Богородице, Дево, радуйся», — хочет выговорить Иван Семенович и вместо «Богородицы» начинает из «Гавриладида»: «В шестнадцать лет невинное смирение...» (с. 156). Эротические мотивы присутствуют и в домашнем интерьере Стратилатова (см., например, с. 153, 154, 156—157). В конечном счете, по мнению исследователя, Стратилатов есть воплощение фаллоса, похотливости и сладострастья⁹. Такая интерпретация образа Стратилатова подтверждается признанием самого Ремизова, вспоминавшего о чтении повести в редакции журнала «Аполлон»: «По окончании заметно было оживление, но куда мне разобрать, и только председатель (С. К. Маковский. — С. Д.) улыбкой показал, что все понимает: И. Ф. Анненский говорил по-латыни, Ф. Фр. Зелинский на языке Софокла, а Вяч. И. Иванов, думаю, на ассирийском Гильгамеша. Необыкновенное впечатление на Андрея Белого (...) — Да ведь это археологический фалл. — Коротко, но беспрекословно голос Блока. Блок выразился по-гречески. Андрей Белый, ровно б пойманный, заметался, он готов был выскочить из себя — и только улыбка Блока — «Иван Семенович Стратилатов воплощение археологического фалла», а он не заметил! и это правда! — привело его в сознание»¹⁰. А. Данилевский указывает на несколько причин использования эротической символики в повести «Неуемный бубен». В образе Стратилатова отразились черты личности и философии «мистического пансексуализма» В. В. Розанова, близкого друга Ремизова на протяжении многих лет: «Стратилатов — это о п о ш л е н н ы й Розанов, это “розановщина”»; «Ремизов

стремился объяснить для самого себя сложную и противоречивую личность Розанова¹¹. Выводы эти представляются более чем убедительными, но далеко не исчерпывающими суть проблемы. Хотя Розанов явно или неявно присутствует во многих случаях, когда писатель обращается к эротическим темам и мотивам (та же повесть «Табак» написана с подачи Розанова — см. выше), нередко случаи, когда эротика возникает в произведениях Ремизова и помимо розановской ауры и не может быть объяснена только ею. Необходимо найти более глубокие основания интереса Ремизова к эротическим мотивам. Для этого взглянем на личность Ремизова и его творчество с несколько иной точки зрения: облик и поведение писателя были необычными и странными. Вся жизнь Ремизова играла, шутил, мистифицировал, проказничал, дурачился. Таким он остался в памяти современников. Он, по его же словам, «безобразничал», причем «безобразничал» как в жизни, так и в литературе. Окружающим это казалось юродством, что они и не преминули отметить¹². Вот что писал Б. Зайцев: «Может быть, и юродство народное времен тезки, Алексея Тишайшего, отозвалось, но органически: этого не подделаешь. Допускаю, что сам он знал эту свою черту и несколько ее в себе вырастил. Когда был не столь немощен еще, сам ходил по французским редакциям, закутанный в какой-то небывалый шарф, плохо видящий и беззащитный. Приемная Плона какого-нибудь или Галлимара мало походила, конечно, на паперть собора московского триста лет назад, но талантливейший русский писатель смахивал, конечно, на своего дальнего предка с этой паперти»¹³. И литературное творчество, стиль Ремизова (в силу непонятности, экстравагантности) осмыслились под этим же знаком — «юродство»: «Читаю о себе, своем "русском" все те же "нарочито" и "претенциозно" с прибавлением "юродство"¹⁴.

Тема юродства присутствует у Ремизова в явном виде: ни одно значительное произведение не обходится без образа «Христа ради юродивого». В романе «Пруд» это пеник Сема-юродивый, в повести «Часы» — юродивый Маркуша-Наполеон, в «Неуемном бубне» — дурочка сестрица Матрена, в повести «Крестовые сестры» — «божественная Акумовна», которая «улыбается и поглядывает как-то по-юродивому» (с. 222). В «Бедовой доле» один из снов посвящен Парфецию Уродивому — Ивану Грозному (с. 319—320).

Непременная черта поведения и облика юродивого, отмеченная большинством агиографов, — «безобразие». И это не внешний атрибут юродства как культурно-исторического феномена, а отражение его сути. «Жизнь юродивого (...) — это сознательное отрицание красоты, опровержение общепринятого идеала прекрасного (...) перестановка этого идеала с ног на голову и возведение безобразного в степень эстетически положительного»; «В юродстве царит нарочитое безобразие»¹⁵. Но «безобразие» — любимое словечко Ремизова. Оно же — в самой натуре писателя, старавшегося уйти от нормального, привычного, общепринятого в мир скандала и парадокса: «В самой природе вещей скрыто «безобразие» (...) Я сохранил любопытство или, что то же, страсть к скандалам. Я как-то вдруг схватился и сказал себе, что мне всегда скучно, если все идет порядочно...»¹⁶. «С "безобразием" жизнь несравненно богаче — и это заключение из всей моей жизни»¹⁷ — подобные признания Ремизова не случайны. В соответствии с «эстетикой безобразия» Ремизов подчеркивал и гипертрофировал и свои физические недостатки (маленький рост, сгорбленность, близорукость, сломанный в детстве нос), т. е. юродство, понятое буквально — уродство.

Безобразие юродивого зачастую выражается в непристойности и похабстве (сквернословии, кощунстве, оголении — акцентировании эротических слов и жестов). По мнению авторитетного историка церкви, «русским юродивым не чужда была эффектация имморализма. Жития их целомудренно покрывают всю эту сторону их поведения стереотипной фразой: «Похаб ся творя». «Юрод» и «похаб» — эпитеты, безразлично употребленные в Древней Руси, по-видимому, выражают две стороны надругания над «нормальной» человеческой природой: рациональной и моральной»¹⁸. Безобра-

зие юродивого включает наготу — обязательную примету юродивого. «Наг ходя не срамляся» — обычное клише из жития юродивого. Василий Блаженный имел прозвище Василий Нагой, так что нагота есть синоним юродства (при известных обстоятельствах)¹⁹. Но нагота — та же безнравственность, олицетворение греховности, соблазна, дьявольской гордыни. И хотя древнерусские агиографы утверждали, что юродивый ангельски бесплотен, элемент двусмысленности сохраняется. Непристойные жесты и поступки юродивого многократно фиксировались. Так, Василий Блаженный «не срамляся человеческого срама, пред народом проход твори»²⁰. Федор юродивый в Чудовом монастыре в жаркую печь влез и голым гузном сел на поду... Так чернцы ужаснулись»²¹. Византийский юродивый авва Симеон плясал и водил хороводы с блудницами, «и выкидывал свои шутки»²². Эротика постоянно соседствует с кощунством, глумлением над святынями. А точнее, эротика есть частное проявление кощунства как антиповедения. Обыгрывание эротического, телесного, греховного и безнравственного, составляя суть юродства как зрелища «странного и чудного», «дает возможность альтернативного восприятия. Для грешных очей это зрелище — соблазн, для праведных — спасение»²³. В юродстве нарочитое отрицание нравственных норм парадоксальным образом оказывается их утверждением. «Апофеоз телесного безобразия преследовал духовно-нравственные цели (...) Самое безобразное зрелище претендовало на роль самого душеполезного»²⁴. Ремизов в юродстве увидел прежде всего антиномичность, извечную борьбу веры и сомнения, святости и греховности, нравственности и соблазна: «Святая Русь — юродивые и блаженные, убогие, прозревшие от белого своего сердца и не только отказавшиеся от мира сего, но еще и вольно принявшие на себя вину всего мира, святая Русь неколебимая (...) совесть русская со всей ее болью и скорбью, белый свет белого сердца, без которого темь и пусто на Руси...»²⁵

Очень точно сформулировал основную коллизию ремизовского творчества Иванов-Разумник: «Между Святой Русью и обезьяной»²⁶. Но очевидно, что для Ремизова лик святой и лик «обезьяний» не автономны в плане онтологии, а парадоксальным образом соединяются в одном образе, — например, Стратилатове. Эротические мотивы, сопутствующие образу Стратилатова, оказываются репрезентацией его «обезьяньего» лика. Извечная трагедия бытия России, ее ноуменальная сущность раскрыты через кощунственно эротические мотивы: святое вдруг может явить свой «похабный» лик, и наоборот²⁷. Обращение Ремизова к эротическим (или вообще кощунственным) сюжетам и образам, обыгрывание «не печатных» словечек и выражений тем более примечательно, что в действительности он вовсе не был таким уже «охальником», как можно предположить. К религиозно-обрядовой стороне бытия Ремизов относился строго и серьезно, что определялось его происхождением и воспитанием: московская купеческая семья. «Воспитание получил я строго религиозное, и это дало мне возможность узнать близко всю обрядовую сторону русского православия, а хождения по монастырям «на богомолье» — быт монастырский и душу народной веры...» — писал Ремизов в автобиографии²⁸. Жил Ремизов по церковному календарю, даже в эмиграции. Жития святых, апокрифы, патериковые рассказы остались любимым чтением до конца жизни. И во всем этом не было показной религиозности, не было лицемерия²⁹. Игровое кощунство начинается на страницах художественных и мемуарных книг (особенно — «Кукхи»). Здесь Ремизов дает волю своей фантазии. В редких случаях, когда он кощунствует в жизни, — делает это демонстративно, играя на публику. По-видимому, именно такой смысл имеет эпизод, который описывает в своем романе О. Форш: «Он показал свои редкости, древние любимые иконы. Перечислял полным титулом лики богородиц своей крепкой, зернистой, превосходной московской речью. С такой истовостью, с таким нежным сыновним вниманием, что с невольным уважением подумалось: «ну, это о кровное, это — запятать, не отдаст. За это, как старобрядец, огонек примет» (...) И вдруг он, чародей-то, набив

гильзы рыжим, хорошо просушенным табаком, не порывисто, не так, как рассеянный, протянул руку и закурил от богородичной лампы. Он поймал тяжелый взгляд... и, поняв его смысл, не спеша ответил:

— А за спичкой-то еще иди»³⁰.

Но в творчестве Ремизова эротика и кощунство постоянно сопровождают рассказы о церковной или монашеской жизни. Вот анекдот о женском Зачатьевском монастыре из «Неуемного бубна»: «Прошла молва, что творится в монастыре что-то необыкновенное и притом такое, что и подумать страшно. По ночам будто бы подымается шум, появляется нечисть и скверна — вредные насекомые, жабы болотные, псы смердящие, мыши летучие, скорпионы и всякие гады земноводные, от которых стон и крик по кельям стоит (...) в действительности же по ночам монашки опускали с монастырской стены корзины и подымали в этих корзинах к себе в кельи своих кавалеров, а затем уж следовало огненное искушение» (с. 187—188). Фейерверк невообразимых «безобразий» творят в церкви и монастыре братья Финогоновы в романе «Пруд». Впрочем, и сама братия не уступает Финогоновым по части непотребств, особенно — о. Гавриил. Вскоре последний стал жертвой финогоновской проказы: его раздели донага и заперли в детской вместе с раздетой же нянькой Прасковьей. «Боевой час высидели, несчастные, наплакались, а Финогоновы этот час тряслись от хохота под дверью. Было и повторение. Только вместо няньки сидела с о. Гавриилом и тоже нагишом Варенька. Дня не проходило в монастыре без финогоновской затеи»³¹. Нелишне напомнить, что Варенька — родная мать Финогоновых. Глава романа с описанием финогоновских безобразий имеет глубоко символическое название: «Ангелы земные — небесные человеки». И нравы Спасо-Караулова монастыря, где Финогоновы останавливались на богомолье, также отличались непотребством эротического толка. В келье о. Никиты-Глиста над трапезным столом висела «лубочная картинка: краснощекая румяная баба в кокошнике и кумачном сарафане, и все чересчур уж дородно, и только вместо ног — чешуйчатые желтые гусиные лапы. Подпись: Блудодеяние. И это лубочное Блудодеяние всегда являлось подвигающей искоркой для келейных воспоминаний и рассказов вообще»³². Как, например, следующего: «...В монастыре много было мальчиков-монашков, составлявших удивительно стройный хор. В шутку старшие звали этих мальчишек именами женскими и не на шутку бывала в монастыре перепалка из-за мальчишек.

— Есть у нас Сарра, — как-то ухмыляясь, подмигивал о. Никита на Блудодеяние и кричал, — Сарра, бестия, голос херувиму подобен, а лик блудницы... Иеронимка с Нафанаилом блудники, из-за мальчишки намедни поцапались...»³³ У Ремизова «келейный рассказ» всегда почти оказывается похабным анекдотом или по крайней мере «соблазнительным», «неприличным». Вскользь упомянутый в «Пруде» сюжет потом разрастается в эротический рассказ-анекдот «Два старца» (1919)³⁴.

Рискнем предположить, что читатель не совсем адекватно воспринимает эротические и кощунственные мотивы в повестях и рассказах Ремизова, чаще всего не ощущая и не учитывая их игрового характера и видя только грубое неприличие. Писатель стремится в своих размышлениях и художественном творчестве «прикоснуться к земле русской, в которой гаятся верность до смерти, предательство Иудино и подвиг крестный» (надпись Ремизова на титульном листе книги «Пруд» (СПб., 1908), подаренной А. Блоку 14.XI. 1908 года)³⁵. «Похабная» и «кощунственная», Ремизов преследует ту же душевную цель, что и юродивый в своем мнимом или действительном безобразии. Показывая Русь — «отечество смрадное, смердящее, матерное (разрядка наша. — С. Д.)»³⁶, он не оставляет надежды на нравственное спасение и возрождение иных, святых и светлых черт русского народа: «Но теперь — нет, я не оставлю тебя и в грехе твоём, и в беде твоей, вольную и полоненную, свободную и связанную, святую и грешную (разрядка наша. — С. Д.), светлую и темную (...) Ты и поверженная, иску-

пающая грех, навсегда со мной останешься в моем сердце. Ты канешь на дно светлая. О, родина моя обреченная: Богом покаранная — Богом посещенная!»³⁷

Нужно было иметь чистые, безгрешные глаза, чтобы в облике Руси «матерной» прозреть иной лик. Такими глазами смотрел на Россию писатель Алексей Ремизов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чуковский К. Книга о современных писателях. СПб., 1914. С. 141.

² Цехновицер О. В. Символизм и царская цензура // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1941. Вып. 76. С. 315.

³ Ремизов А. Встречи: Петербургский буюрак. Paris, 1981. С. 14.

⁴ Повесть была напечатана в 1908 г. изд-вом «Сириус» тиражом 25 именных экземпляров с рисунками К. А. Сомова. Об истории связанного с нею скандала см.: Ремизов А. Огонь вещей. М., 1989. С. 353—354.

⁵ Там же. С. 350.

⁶ См.: Данилевский А. Mutato nomine de te fabula narratur. // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1986. Вып. 735. С. 137—149.

⁷ Содержание ее узнаем из повести Ремизова «Пятая язва»: «Есть такое сказание о Ное, как праведный Ной, вступив в ковчег зверей, чистых по семи пар, а нечистых по две пары, задумал, обуздывая ради и удобства общего, лишить их, временно, вещей существеннейших. И, отъяз у каждого благая вся, сложил с великим бережением в храмину место скрытое. И сорок дней и сорок ночей, во все время потопа сидели звери по своим клеткам смироно. Когда же потоп кончился и храмина была отверста, звери бросились за притяжением своим, и всяк разобрал свое. И лишь со слоном вышла великая путаница, слону в огорчение, ослу на радование и похвалу».

⁸ Ремизов А. Повести и рассказы. М., 1990. С. 142—143. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте работы с указанием страницы (в скобках).

⁹ Данилевский А. Mutato nomine de te fabula narratur. С. 148.

¹⁰ Ремизов А. Встречи: Петербургский буюрак. С. 32.

¹¹ Данилевский А. Герой А. М. Ремизова и его прототип // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1987. Вып. 748. С. 159—160.

¹² Многие факты биографии писателя получают истинный смысл только через соотнесение их с феноменом юродства, и анализ «жития» Алексея Ремизова под этим углом зрения — предмет отдельного исследования, на котором мы останавливаться не будем.

¹³ Зайцев В. К. Голубая звезда: Повести и рассказы: Из воспоминаний. М., 1989. С. 508. Ему вторит другой мемуарист: «...Если разорвать его поношенный пиджачишко в рубище — Ремизов превратится в юродивого под монастырской стеной» (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. С. 298). Из того же ряда ассоциаций реплика З. Гиппиус: «Алексей-то Михайлыч? Да это умнейший, серьезнейший человек, видящий насковзь каждого; коли он «юродит» — так из ума» (Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 65). Любопытный анализ литературных масок А. Ремизова (в том числе — «святого дурака — юродивого») см.: Сияновский А. Литературная маска Алексея Ремизова // Aleksey Remizov: Approaches to a Protean Writer. Columbus (Ohio), 1987. P. 25—39.

¹⁴ Ремизов А. Встречи: Петербургский буюрак. С. 14. См. также отзыв М. Гершензона: «Рассказ ведется так дико-причудливо, такими капризными зигзагами, психология лиц так усложнена намеками, юродством (разрядка наша. — С. Д.), фантастикой, и, главное, внешняя манера изображения — слог, разговор — так ненужно эксцентрична, что на каждой странице хочется с досадой бросить книгу. Зачем юродствовать, отчего не говорить человеческим языком?» (Г[ершензон]. М. «Часы» // Вестник Европы. 1908. № 8. С. 770).

¹⁵ Панченко А. М. Смех как зрелище // Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 103, 108.

¹⁶ Ремизов А. Подстриженными глазами // Ремизов А. Неуемный бубен. Кишинев, 1988. С. 491.

¹⁷ Ремизов А. Иверень: Загогулины моей памяти. Berkeley, 1986. С. 115. Ср. также: «Мне с моим взбалмошным миром без конца и без начала Шестов пришлось на руку, легко и свободно я мог отводить свою душу на всех путях ее „безобразия“» (Ремизов А. Учитель музыки: Каторжная идиллия. Paris, 1983. С. 496).

¹⁸ Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 200.

¹⁹ Панченко А. М. Смех как зрелище. С. 118—119.

Заветные сказы Алексея Ремизова

²⁰ Там же. С. 115.

²¹ Там же. С. 105.

²² См.: Византийские легенды. Л.: Наука, 1972. С. 74—75.

²³ Панченко А. М. Смех как зрелище. С. 116.

²⁴ Там же. С. 137. Ср.: «Жизнь юродивого является постоянным качанием между актами нравственного спасения и актами безнравственного глумления над ними» (Федотов Г. Святые Древней Руси. С. 201). Как антиповедение, преследующее дидактические цели, рассматривает юродство Б. Успенский (Успенский Б. Антиповедение в культуре Древней Руси // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 331—332).

²⁵ Ремизов А. Избранное. Л., 1991. С. 429. Ср.: «Это наше — русское — эти выродки человеческого рода — юродивые >...> с такими не запустеет земля и Москва стоит, ее пестрые цветы Красной площади — Покровский собор — Василий Блаженный» (Ремизов А. Иверень: Загогулины моей памяти. С. 221). Чаще всего Ремизов апеллирует к памяти московских юродивых («Максим-Василий-Иоанн»), намекая на свое «историческое» родство с ними: «Москва моя колыбель» (Там же. С. 224).

²⁶ Иванов-Разумник. Между Святой Русью и обезьяной // Речь. 1910. 11 октября. Обезьяна в данном контексте олицетворяла антихристово (дьявольское, бесовское) начало. В повести «Часы» Христово воскресение оборачивается своей противоположностью (сон Нелидова): «И вдруг ударил колокол, ударил колокол, как на Пасху, и понеслись громкие воскресные звоны. <...> Медленно поднималась парча. И вмиг тихим светом осенился собор, и обезьянья морда (разрядка наша.— С. Д.), выглянув из-под парчи, оскалила зубы и, позевывая, протянула лапы страждущему человечеству» (Ремизов А. Повести и рассказы. С. 45).

²⁷ Образ Стратилатова амбивалентен, отмечен соединением святого и бесовского (он — нехристь), богомольного и кощунственного, нравственного и безнравственного. Фамилия его отсылает к образу св. великомученика Феодора Стратилата (в начале повести назван древний Прокопьевский монастырь «с чудотворною иконою Феодора Стратилата» (с. 136); ср.: Лит. наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 110), сам он необычайно богомолен, «строгий постник», молится всегда «долго и усердно»; в доме у него везде лампадки: в кухне, в спальне, а в гостиной две — в обоих передних углах (с. 151—152). Религиозность Стратилатова нарочито сталкивается с «кощунством» и «похабством»: «По дороге домой обыкновенно он оканчивал спутником начатый еще в суде рассказ, по тонкости своей, как всегда, требующий большой выразительности, прерывая свою кудрявую речь, и совсем не в ущерб ей, лишь у церкви, так как считал своим долгом, поравнявшись с церковью, обязательно помолиться...» (с. 144). Каждую субботу он посещает «дома беззакония», при этом обязательно отстояв всенощную (с. 161). В кабинете его «соблазнительные» открытки и гравюры, соседствующие с иконами: Грозный и Страшный Спас и Божьей матери — Всех скорбящих радости (с. 154). Характерно, что сам автор легко отождествляет себя с любым героем, ничего не боясь и не стыдясь. Ср.: «Я превратился в Ивана Семеновича Стратилатова» (Ремизов А. Огонь ешей. С. 321).

²⁸ Ремизов А. Избранное. Л., 1991. С. 549. Ср. его «Автобиографию» (1912) (ОР ГПБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 1, л. 9).

²⁹ Когда в Киеве в 1904 г. случился пожар в квартире Ремизова, он выбежал, захватив с собою самое для него дорогое: дочь Наташу грудного возраста, рукопись повести «Часы», над которой тогда работал, и ... икону (см.: Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 163).

³⁰ Форш О. Д. Летошний снег. М., 1990. С. 309 (роман «Ворон»); похожий случай с прикуриванием от лампадки вспоминает сам Ремизов — в ночь на 2 февраля 1919 г., во время обыска, один из чекистов заметил писателю: «Годится ли от лампадки закуривать?» (Ремизов А. В розовом блеске: Автобиограф. повествование. М., 1990. С. 222).

³¹ Ремизов А. Избранное. С. 68—69.

³² Там же. С. 114. «Гусиные» («куриные») мотивы у Ремизова часто имеют эротический смысл. Интересные наблюдения, связанные с ними, содержатся в статье Е. А. Горного «Заметки о поэтике А. М. Ремизова: „Часы“» (в печати). Пользуемся случаем выразить признательность автору за возможность ознакомиться с его статьей.

³³ Там же. С. 114—115.

³⁴ Ремизов А. Шумы города. Ревель, 1921. С. 57—62. Ср. также «Рождество» (1919) (Там же. С. 32—36).

³⁵ Лит. наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 127.

³⁶ Ремизов А. Избранное. С. 434 (роман «Канавы»).

³⁷ Ремизов А. В розовом блеске: Автобиограф. повествование. С. 157—158.

В своей книге «Кукха», предупреждая читателя о неожиданности ракурса своих воспоминаний о В. В. Розанове, Алексей Ремизов указывал: «Человек измеряется в высоту и ширину. А есть и еще мера — рост боковой. <...> Но без этого Розанов — не Розанов»¹.

Видимо, это самые поразительные мемуары из всех существующих — исключительные по откровенности, но при этом — при пестроте вроде бы необязательных и чрезмерных интимно-бытовых подробностей — гораздо глубже раскрывающие личность и мироучение Василия Васильевича, чем многие страницы рассуждений. Одновременно они проливают свет и на интересующую нас проблему — о корнях и сути ремизовских «заветных сказов».

Из «Кукхи» мы узнаем, что Розанов любил и часто поминал повесть «Что есть табак» — первый ремизовский опыт в этом роде, знакомимся с рассуждениями Василия Васильевича о «Божеской мере», достойной мужчины (по его мнению, это — пять вершков), узнаем о «слонах», личностях, восхищавших Розанова как «обладающие сверх Божеской меры». В придуманном Ремизовым «тайном ордене» — Обезьяньей Великой и Вольной палате — именно Розанову присвоено звание «старейший кавалер и великий фаллофор обезвельволпала», звание, с гордостью им принятое. Совместно с художниками Сомовым, Бакстом и Нувелем, писателями был задуман проект книги «О любви», цель которой была «собрать всю мудрую науку, какую у нас на Руси в старые времена няньки да мамки хорошо знали, да невест перед венцом учили, ну и женихов тоже»².

Но ближе всего к нашей теме эпизод, высветляющий особое отношение Розанова к главному герою «заветных сказов». В нем описывается одно из многочисленных в пору 1905—1908 гг. посещений Василием Васильевичем ремизовской квартиры, когда тот с ходу предложил хозяину:

«— Давай х. (хоботы) рисовать. <...>

У самого у него ничего не выходило — я заглянул — крючок какой-то да шарик.

— Так х. (хоботишко)! — сказал я, — это не настоящий.

И вдруг — ничего не понимаю — В. В. покраснел —

— Как... как ты смеешь так говорить! Ну разве это не свинство сиволапов? — и передразнил: — х. (хоботишко)! Да разве можно произносить такое имя?

— А как же?

В. В. поднялся и вдохновенно и благоговейно, точно возглас какой, произнес имя первое — причинное и корневое:

— Х. (хобот)³.

Предлагаемые читательскому вниманию произведения Алексея Ремизова взяты из сборника «Заветные сказы», изданного в Петрограде в 1920 г. издательством «Алконост». «Царь Додон» вышел отдельным изданием (с двумя выразительными рисунками Л. Бакста) годом позже. Тираж каждого издания — 333 экземпляра⁴.

Публикуемые два «заветных сказа» не упоминаются в ремизовских записях о Розанове. Но думается, что они во многом могут быть прочтены именно в ключе «Кукхи», и здесь важны не только совпадения многих «реалий», но та «аура», которая окружает в этой книге лик Розанова⁵. Переклички в творениях двух все еще загадочных деятелей русской культуры завершающегося столетия, безусловно ста-